

Ѳ. ВИНОГРАДОВЪ.

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА ВЪ ДОМАШНЕМЪ ОБИХОДѢ ЧУВАШЪ.

Изданіе Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи

СИМБИРСКЪ.
Губернская Типографія.
1897.

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА ВЪ ДОМАШНЕМЪ ОБИХОДѢ ЧУВАШЪ.

„Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ"...
Лермонтовъ.

Миссіонерская дѣятельность православнаго духовенства въ сферѣ просвѣщенія инородцевъ истинами Христова ученія, и повсемѣстно нарождающаяся сельская школа, съ ея задачами, безспорно, являются первыми и самыми активными факторами духовнаго перерожденія инородца.

Слѣды язычества слабѣютъ: пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и то, что сейчасъ еще имѣетъ мѣсто въ религіозномъ міровоззрѣніи инородца,—будетъ только преданіемъ старины глубокой...

Средній бассейнъ Волги изобилуетъ инородцами: аборигенами этого края считаются вотяки, зыряне, пермяки, мордва, черемисы, чуваши и др. Въ нравахъ, языкѣ, костюмѣ и въ религіозныхъ дохристіанскихъ вѣрованіяхъ этихъ инородцевъ много общаго, родственнаго. Первенствующее мѣсто, въ смыслѣ интеллектуальнаго развитія, среди этихъ инородцевъ, конечно, должно принадлежать пермякамъ, зырянамъ, вотякамъ, черемисамъ, мордвѣ. Чуваши, о которыхъ мы намѣрены вести рѣчь, стоятъ ниже своихъ собратій. Тихій, скромный въ своихъ требованіяхъ, трудолюбивый и робкій чувашинъ держится вдалекѣ отъ шумнаго свѣта. Только церковь и школа кроткими мѣрами своими внушили къ себѣ

любовь и довѣріе чувашскаго населенія и успѣли внести струйку свѣжаго воздуха въ духовную жизнь этого инородца.

Зная довольно близко чувашъ, мы намѣрены отмѣтить языческіе элементы въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, полагая, что это не лишено будетъ нѣкотораго интереса, какъ въ смыслѣ изученія инородческаго края, такъ равно и въ смыслѣ исторической старины, къ области которой въ скоромъ времени, конечно, отнесены будутъ всѣ повѣрія клятвы, заклятія и обряды чувашъ.

Почти двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ чуваши приняли православную вѣру, но тѣмъ не менѣе слѣды ихъ старыхъ вѣрованій до сихъ поръ еще замѣтны въ складѣ ихъ духовной жизни.

Начнемъ съ чувашскихъ клятвъ. Клятвы русскаго народа, хотя и разнообразны, но часто безсодержательны. Нельзя того же самаго сказать о клятвахъ чувашъ: многіе изъ нихъ не лишены поэзіи, но за то почти во всѣхъ элементъ языческій занимаетъ видное мѣсто.

Заповѣдь Божія: „не клятися всяко: буде-же слово ваше ей-ей, ни-ни“, кажется, нарушается чуть-ли не чаще всѣхъ.

Обстоятельства и условія, при которыхъ произносится клятва, весьма различны, по этому до крайности разнообразенъ и характеръ самыхъ клятвъ.

Популярное русское „ей Богу“ цѣликомъ перешло и къ чувашамъ; „ей Богу, въ переводѣ на чувашскій языкъ — „торжесъ-да“ —употребляется такъ-же часто и такъ-же механически, какъ и у рускихъ.

„Ей-ей“, „да“, „провалиться на этомъ мѣстѣ“, „это вѣрно“ (вмѣсто „честнаго слова“, котораго чуваши не даютъ, не понимая значенія его)—все это служитъ увѣреніемъ въ справедливости словъ и произносится въ случаяхъ обыденной жизни. Болѣе сильныя клятвы употребляются и въ болѣе важныхъ случаяхъ.

Въ доказательство справедливости словъ своихъ чувашенинъ клянется всѣмъ дорогимъ ему: женой, дѣтьми, отцомъ, матерью, урожаемъ, скотиной, клянется и благополучіемъ своего здоровья, твердо вѣря, что карающая рука накажетъ клятвопреступника, всуе произнесшаго слова клятвы.

„Пусть падетъ моя скотина“, „пусть заболѣваютъ дѣти, жена, если я лгу“, говоритъ чувашенинъ, чтобъ завѣрить собесѣдника въ справедливости словъ своихъ. Такая клятва называется „клятвой черезъ скотину, жену, дѣтей“.

Чуваши клянутся мѣсяцемъ, звѣздами и солнцемъ: “да не увижу больше ни мѣсяца, ни звѣздъ“, „да померкнетъ для меня“ солнце, если я лгу“; „если я говорю не правду, то да не видѣть мнѣ воды болѣе и не пить ея“, клянется чувашенинъ въ случаяхъ, болѣе серьезныхъ.

Весьма важной считается клятва—подать руку черезъ шею животнаго, ребенка или свою собственную. Клянущійся протягиваетъ правую руку черезъ шею лошади, коровы, ребенка; требующій клятвы беретъ протянутую руку въ свою и клянущійся произноситъ слова: „если я лгу, то пусть падетъ лошадь, корова, умретъ сынъ, я самъ и т. д., смотря потому, черезъ шею кого подана рука. Но гораздо страшнѣе клятва черезъ могилу.

Въ силу этой клятвы чуваши твердо вѣрятъ и не всякій рѣшится всуе произнести ее. Это клятва считается выше присяги, подъ которой можно еще соврать. Чтобъ вывѣдать отъ чувашъ правду въ показаніяхъ, нерѣдко чиновники обращаются къ этой клятвѣ, требуя ее отъ чувашенина. На кладбищѣ, черезъ могилу родственника, или какого либо уважаемаго односельчанина, чувашенинъ протягиваетъ руку тому, кто требуетъ клятвы; при этомъ онъ обѣщаетъ говорить только сущую правду, вѣря, что, въ случаѣ нарушенія ея, тѣнь покойника будетъ преслѣдовать его и преждевременно сведетъ его въ могилу.

Клятва черезъ сухой сучекъ совершается такъ: требующій

клятвы беретъ сучекъ высохшаго на корню дерева, но отнюдь не отрубленный; одинъ конецъ сучка кладетъ на землю, а другой беретъ въ правую руку. Клянущійся долженъ перешагнуть черезъ палку, произнося слова: „паданъ эпле хорнъ-манынъ ала, ора сянашкалъ хортыръ“, т. е., какъ эта палка суха,—мои руки и ноги пусть также высохнутъ“. Туже обрядовую старину имѣетъ и клятва черезъ сухое лутошко. Легковѣрный чувашенинъ вѣритъ этимъ клятвамъ, какъ неприложнымъ и употребляетъ ихъ не безъ разбора.

Чтобы разсѣять подозрѣнія въ кражѣ, поджогѣ, нанесеніи обиды и т. п. подозрѣваемый прибѣгаетъ къ такимъ клятвамъ: 1) обвиняемый долженъ перепрыгнуть черезъ костеръ; если онъ виновенъ, то обязательно упадетъ въ огонь и на немъ загорится одежда;

2) обвиняемый грызетъ землю. Если виновный при произнесеніи словъ клятвы лжетъ, то онъ сдѣлается чернымъ, какъ земля, и черезъ годъ умретъ. Клянущійся беретъ на чистомъ мѣстѣ, не оскверненномъ испражненіями, зубами землю въ ротъ, жуетъ ее и говоритъ: „эпь аипла ползасынъ-торъ“ „теберъ сякъ выгыда ансидертеръ“, т. е. „если я виноватъ буду, Богъ не дастъ дожить мнѣ до этого времени“ (т. е. до другого года).

Эта клятва замѣняется слѣдующей: заспорившіе, взявъ съ собой водки, идутъ въ садъ, или въ оврагъ и на чистомъ мѣстѣ, требующій клятвы вырѣзываетъ дернъ въ видѣ креста, въ средину котораго ставитъ стаканъ съ водкой: клянущійся беретъ съ земли стаканъ и, выпивая водку, говоритъ: „торъ чон-ма таттыръ“, что значитъ: Богъ душу отрубитъ, т. е., если я виновенъ, пусть Богъ душу вынетъ изъ меня. Затѣмъ дернъ кладутъ на прежнее мѣсто.

3) Подозрѣваемаго въ кражѣ заставляютъ ѣсть хлѣбъ съ конца ножа. Если виновный рѣшится ѣсть, то онъ сдѣлается нѣмымъ. Прежде, чѣмъ съѣсть кусокъ хлѣба, подозрѣваемый

произноситъ слова „эпь ильне ползасынъ-торъ шираттыръ“, т. е., если я взялъ, то Богъ найдетъ меня.

Чтобъ успокоить ревниваго мужа, жена приглашаетъ въ домъ возлюбленнаго—причину ревности. Предварительно прихода его, зажигается предъ образомъ восковая свѣча, ставится въ передній уголъ столъ, покрывается холстомъ, и на немъ водружается чашка съ водой. Когда придетъ подозрѣваемый, то жена, въ присутствіи мужа, кладетъ три земныхъ поклона и начинаетъ пить изъ чашки воду, давая каждый разъ послѣ себя хлебнуть мнимому возлюбленному. Затѣмъ свѣча гасится. Послѣ такой клятвы, если она дана ложно, виновные должны оба умереть. Успокоенные мужчины разстаются пріятелями.

Съ принятіемъ христіанства въ клятвы чувашъ входитъ и религіозный элементъ.

Болѣе дѣйствительной клятвой считается клятва предъ Св. Евангеліемъ и крестомъ, при зажженной предъ иконой, свѣчей. Но еще сильнѣе клятва предъ церковнымъ крестомъ. Клянущійся впередъ знаетъ, что если онъ солжетъ, то пожелтѣетъ при жизни, какъ мѣдь, и смерть постигнетъ его въ скоромъ времени.

Часто клянутся ребенкомъ. Предъ иконой зажигается свѣча; клянущійся беретъ собственнаго ребенка на руки, подходитъ къ иконѣ и глядя на нее, завѣряетъ справедливость словъ своихъ благополучіемъ дитяти, принося его въ жертву карающему богу; если клятва дана неправильно, ребенокъ долженъ умереть.

Иногда ограничиваются простой клятвой предъ иконой съ зажженой свѣчей. Клянущійся, подходя къ иконѣ, громко говоритъ: „сякъ-вырындахъ чон-ма ильдеръ“, въ переводѣ „на—этомъ мѣстѣ душу взялъ“, т. е., пусть Богъ на этомъ мѣстѣ возьметъ мою душу“. Послѣ этихъ словъ клянущійся самъ гаситъ свѣчу.

Чтобъ отомстить обидчику неуличенному, не найденному, чувашенинъ ставитъ свѣчу Св. Іоанну Воину и молится передъ

нимъ: пусть умретъ обидчикъ мой, пусть умретъ любимое дитя его, пусть падетъ скотъ его.

Чтобъ наказать виновнаго въ кражѣ скотины, но еще не уличеннаго и непойманнаго, прибѣгаютъ къ помощи емзи (знахарь, колдунъ), который долженъ найти волчье горло (хрящъ) и надѣть его на коровій рогъ и положить на тотъ путь, по которому увели со двора скотину, при этомъ емзя говоритъ на голову виновнаго слова заклятья. Если воръ будетъ угаданъ, то спустя годъ, полгода, на него посыпятся несчастія: падетъ скотина, умретъ жена, сестры, братья и, наконецъ, дѣти.

Чувашская женщина, какъ существо слабое и угнетенное, часто на своихъ плечахъ выноситъ тяжесть семейныхъ невзгодъ и ссоръ Она терпитъ обиды и отъ мужа, и отъ сына, и отъ родныхъ. Гдѣ найти ей защиту? Поневолѣ она прибѣгаетъ за помощью къ чудодѣйственной силѣ заклятій.

Такъ, если жена разойдется съ мужемъ, мать съ сыномъ, то идетъ на границу надѣльной земли и молится Богу, чтобы Онъ примирилъ ихъ всѣхъ.

Желая отомстить сыну за нанесенные побои и обиды, мать идетъ на овинъ, выбираетъ токъ и на него кладетъ испеченый хлѣбъ, и колѣнопреклоненная молится Богу, прося у него или вразумленія для сына, или же кары для него: пусть жизнь сына будетъ такъ же не хороша, какъ ея собственная, и пусть отъ дѣтей своихъ онъ терпитъ такія-же оскорбленія, какія переноситъ и она отъ сына. Дѣйствительнымъ средствомъ къ вразумленію непочтительнаго сына считается обычай молиться предъ иконой въ домѣ. Оскорбленная мать, оставаясь одна въ избѣ, зажигаетъ предъ иконой свѣчу и начинаетъ на колѣняхъ молиться Богу, чтобъ онъ смирилъ строптивый нравъ сына, внушилъ къ ней любовь и уваженіе. Молитва сопровождается троекратными низкими поклонами во всѣ три стороны отъ иконы, какъ-бы въ знакъ приглашенія всѣхъ странъ къ участію въ ея горѣ.

Неоднократно оскорбленный сыномъ отецъ, испытывая въ послѣднiй разъ силу прощенiя своего надъ повинившимся сыномъ, требуетъ отъ него доказательствъ искренняго раскаянiя и обѣта на будущее время быть послушнымъ и почтительнымъ къ отцу.

Вотъ какъ совершается такой обрядъ: предъ иконой зажигается свѣча; отецъ садится въ переднiй уголъ на лавку, или на табуретъ; сынъ отъ порога избы на колѣняхъ подползаетъ къ отцу, развязываетъ на правой ногѣ его лапоть и въ это время произноситъ слова раскаянiя и завѣренiя на будущее время быть почтительнымъ, не оскорблять отца, ухаживать и заботиться о немъ; затѣмъ цѣлуетъ разутую ногу и гаситъ свѣчу предъ иконой. Всѣ приведенныя нами клятвы и заклятья постепенно исчезаютъ; молодежь къ нимъ рѣдко прибѣгать, и мы не могли добиться символическаго значенiя клятвенныхъ обрядовъ даже отъ стариковъ: они помнятъ только внѣшнiя формы, но смыслъ ихъ и значенiе уже утратились безслѣдно.

Коснемся кстати вѣрованiй чувашъ въ кереметь, прихаисиндзи. Еще во времена языческiя чуваши вѣрили въ духа добра и духа зла Первый даетъ всѣ блага: урожай землѣ, приплодъ въ скотинѣ, миръ и тишину въ семьѣ, здоровье человѣку, а второй—духъ вражды и злобы посылаетъ всѣ несчастiя: неурожай, моръ на скотъ, болѣзнь на людей, сварливую хозяйку въ домѣ, семейный разладъ и пр. Хотя оба начала доброе и злое по существу своему дiаметрально противоположны между собою, но между тѣмъ оба они имѣютъ одну общую черту: безъ жертвоприношенiй не склоняютъ уха своего къ мольбамъ людей, прибѣгающихъ къ помощи и защитѣ ихъ. Такъ учили и учатъ чувашъ ихъ знахари, ворожеи „йумаç", „емзи".

Оба духа имѣютъ постоянное жилище въ лѣсахъ, въ дуплахъ старыхъ деревъ. Такая роща, въ которой, по увѣренiю, йумаç обитаетъ духъ добра и зла и называется „кереметъ". Такiе керемети имѣлись въ прежнее время, когда лѣсовъ было еще

очень много, почти около каждой деревни, около каждаго селенія. Рощи эти не насаждались искусственно, а представляли собой остатки когда-то дѣвственныхъ лѣсовъ. Какъ слѣды стараго и охраняемаго лѣса, рощи эти поражаютъ своимъ величественнымъ видомъ: старыя, но стройныя и богатыя листвой березы, липы, столѣтніе вязы, вѣковѣчные, въ нѣсколько обхватовъ толщины цари лѣсовъ —могучіе дубы - все это вполнѣ приличные храмы для кереметы. Долгое время кереметы свято охранялись чувашами, ни одинъ дерзкій не рѣшался кощунственной рукой прикоснуться къ святилищу: болѣзнь и даже смерть немедленно постигали осквернителя святыни. Но tempora mutantur... и теперь, подъ вліяніемъ церкви и школы, понятія чувашъ такъ измѣнились, что къ керемити ужъ подходятъ посмѣлѣе и нерѣдко съ топоромъ въ рукахъ, вырубая рощу на свои обыденныя нужды.

Цѣнность жертвоприношеній кереметы тоже измѣнилась: въ былыя времена приносили въ жертву золото, серебро и мѣдь, а теперь ограничиваются оловянными и жестяными бляхами, придавая имъ форму денегъ, чтобъ вѣрнѣе обмануть божество, вмѣсто живыхъ животныхъ—несутъ вылѣпленныхъ изъ тѣста коровокъ и лошадокъ Кереметь, по вѣрованію чувашъ, входитъ и въ непосредственныя сношенія съ людьми, открывая имъ свою волю, и черезъ своихъ избранниковъ -- любимцевъ — „емзей".

Емзя—это кудесникъ: онъ близокъ къ кереметы, онъ знаетъ, какъ можно склонить кереметь въ пользу обращающагося къ нему, онъ знаетъ, чего хочетъ кереметь въ жертву себѣ. Емзя живетъ приношеніями за свой трудъ. Емзѣ много лѣтъ и онъ среди чувашъ популяренъ.

Къ кереметы обращаются во всѣхъ случаяхъ жизни.

Если въ семьѣ заболѣлъ кто, то старшій въ домѣ идетъ къ кереметю и несетъ въ жертву деньги, „юсманъ" —это тоненькая разсученная лепешка, завернутая въ тряпицу, масло, хмель, со-

лодъ, муку и др. съѣстные припасы. Передъ кереметью онъ кляняется и молится, чтобы болѣзнь скорѣе кончилась: „пожалѣй насъ, кемереть; если больной выздоровѣетъ, то самъ придетъ къ тебѣ и принесетъ жертвъ больше, чѣмъ я".

Для исцѣленія отъ болѣзни, прибѣгаютъ къ такъ называемому „относу болѣзни". Относъ болѣзни совершается при помощи емзи.

Родственники больного отправляются къ ворожею; тотъ велитъ срѣзать нѣсколько волосъ съ головы больного, завертывать ихъ въ тряпицу и при произношеніи различныхъ заклинаній несетъ куда-нибуть въ уединенное мѣсто закопать ихъ въ землѣ. Болѣзнь проходитъ, а емзя за труды получаетъ щедрое вознагражденіе.

При посредствѣ емзи водворяется въ семьѣ миръ и тишина. Мать семейства, отъ котораго она терпитъ невзгоды-брань, побои, идетъ къ емзѣ и чистосердечно повѣтствуетъ ему о своемъ горѣ, прося помощи и совѣта.

Емзя—мѣстный житель, давно знаетъ и слышитъ о разладицѣ въ домѣ, давно ждетъ къ себѣ желанную гостью, горемыку—женщину. Начинается торгъ. Бѣдная женщина согласна на все, готова отдать все, что есть у нея скопленнаго: и деньги, и холстъ, лишьбы помогъ ей емзя измѣнить горькую участь на болѣе сносное житье. Торгъ законченъ. Емзя беретъ приворотный корешокъ (высушенный корень какого-нибудь растенія, у каждаго емзи свой), посыпаетъ его солью, завязываетъ въ тряпку, шепчетъ слова заклятья и отдаетъ женщинѣ съ приказаніемъ итти къ кереметн, положить этотъ талисманъ у дерева и помолиться, а когда вернется домой, то истолочь корешокъ съ солью, но такъ, чтобы никто не видалъ и не слыхалъ, посыпать хлѣбъ, который должны есть домашніе и воду, которую они будутъ пить и тогда проявится вся сила колдовства: жизнь измѣнится къ лучшему.

Безъ кереметя и емзи не обойтись и добру молодцу, чтобы приворожить къ себѣ симпатіи избранницы сердца. Желая взять за мужъ понравившуюся дѣвицу, но не получая отъ нея согласія на бракъ, молодой человѣкъ идетъ къ емзѣ. Емзя охотно берется устроить дѣло это такъ просто: онъ велитъ несчастному страдальцу принести нитку изъ пряжи, или одежды своего предмета, но взять эту нитку тайкомъ. Когда нитка добыта, емзя беретъ такую-же нитку изъ одежды молодого человѣка, затѣмъ обѣ нитки связываетъ концами и шепчетъ при этомъ какія-то заклинанія. Потомъ связанную нитку отдаетъ въ руки молодого человѣка и приказываетъ ему итти къ невѣстѣ и объявить ей: „если ты не пойдешь за меня за мужъ, то знай, что я добылъ нитку изъ твоего платья, я пойду и положу ее въ кереметь; болѣзнь поразитъ тебя и ты высохнешь, какъ эта нитка.“ Невѣста, суевѣрная не менѣе жениха своего, напуганная обѣщаніемъ кары кереметя, соглашается скорѣе выйти за мужъ за нелюбимаго человѣка, чѣмъ рѣшиться ждать своей злой участи, отъ одного ожиданія которой можно и высохнуть, и пожелтѣть.

Молодежь, особенно побывавшая въ школѣ, или въ военной службѣ, кереметя не боится, даже стыдится его и добродушно подсмѣивается надъ суевѣріемъ стариковъ, иногда довольно остроумно эксплуатируя его. Разскажемъ недавно бывшій случай подобной шутки. Чувашенинъ Яковъ, отбывшій воинскую повинность, вернулся въ родное село; веселый и находчивый, онъ вздумалъ поморочить своихъ односельчанъ, охотниковъ до поклоненія кереметю. Подмѣтивъ дубъ, къ которому ходятъ на поклоненіе, Яковъ залѣзъ въ дупло его и терпѣливо ожидаетъ паломниковъ. Является старуха; начинаетъ молиться: „кереметь, кереметь, помилуй насъ. Вотъ тебѣ жертва“, при этихъ словахъ въ дупло подаетъ двугривенный. Яковъ получаетъ его и глухимъ голосомъ объявляетъ: „мало!“—Сколько-же тебѣ, кереметь, надо? спрашиваетъ и испуганная и обрадованная великимъ счастіемъ

слышать голосъ кереметя, старушка.—Рубль! протяжно произноситъ кереметь. Старуха поспѣшно идетъ за рублемъ и ничуть не жалѣя его, отдаетъ въ жертву дорогому богу и довольная возвращается въ село, чтобы подѣлиться радостью со своими подружками, а Яковъ, въ свою очередь, вылѣзаетъ изъ дупла, идетъ въ кабакъ и въ компаніи такихъ-же молодцевъ распиваетъ рубль во здравіе простодушной старушки, скорбя, что такихъ съ каждымъ годомъ все остается меньше и меньше.

Кромѣ кереметя, чуваши вѣруютъ еще въ ириха. Ирихъ какое-то божество, о которомъ сами чуваши не имѣютъ опредѣленнаго представленія, но тѣмъ не менѣе вѣрятъ, что ирихъ поражаетъ человѣка всѣми накожными болѣзнями: золотухой, сыпью, болѣзнью глазъ и пр. Чтобъ умилостивить ириха, и ослабить болѣзнь, чуваши, по наущенію емзей, кладутъ въ сплетенную изъ прутьевъ корзину сухія древесныя вѣтви, куски олова, замѣняющія деньги, обрѣзки волосъ и ногтей больного человѣка и такую жертву ириху подвѣшиваютъ гдѣ нибудь у себя въ домѣ. Если жертва угодна, то болѣзнь прекращается.

Когда начинаетъ цвѣсти въ поляхъ рожь, то почти всѣ чуваши празднуютъ „синдзи“, но никто изъ нихъ не знаетъ, что это за праздникъ, кто установилъ его, когда и зачѣмъ. Синдзи празднуется тихо—Это праздникъ покоя и отдыха. На улицахъ не видно и неслышно шумнаго разгула, пѣсенъ, плясокъ, звуковъ пузырей и гусель. Но тѣмъ не менѣе улица людна: у каждой избы на скамьяхъ, заваленкахъ и просто на лужайкахъ сидятъ недѣлю-двѣ всѣ чада и домочадца, безъ всякаго дѣла, толкуютъ, кто о чемъ хочетъ. Всѣ одѣты въ бѣлыя, и по возможности, въ новыя рубашки. Съ укоромъ дѣлаютъ замѣчанія тому, кто проходитъ въ синей рубашкѣ: „зачѣмъ не почитаешь синдзи: вѣдь ты знаешь, что онъ не любитъ синей рубахи, а любитъ бѣлую“, говорятъ чуваши нарушителю традицій праздника. Иногда провинившагося обливаютъ водой, какъ-бы въ очищеніе его грѣха предъ

праздникомъ. Во время синдзи, говорятъ чуваши, нельзя рыть и пахать землю, нельзя рубить лѣса, строить избы, топить печь и пр. Если будешь пахать землю, то обиженный синдзи отомститъ неплодомъ земли. У работающихъ топоромъ, чуваши отнимаютъ топоръ: „какъ можно работать въ синдзи топоромъ? Синдзи обидится и оглушитъ тебя“.

Во время цвѣтенія ржи и вплоть до уборки хлѣба съ поля, чуваши празднуютъ пятницу. „Въ этотъ день, говорятъ они, міродержатель сходитъ съ неба на землю посмотрѣть, не работаютъ-ли чуваши, въ пятницу“. Если не будешь почитать синдзи и пятницу, вѣрятъ чуваши, то міродержатель побьетъ поля градомъ, опустошитъ бурею, высушитъ солнцемъ, истребитъ непогодою и ненастнымъ дождемъ. Но за то, когда чуваши уберутся съ хлѣбомъ, свезутъ его домой, то робость исчезаетъ, уступая мѣсто вызывающей развязности: празднованіе пятницы прекращается и чуваши съ хвастливымъ самодовольствомъ говорятъ: „теперь хоть градъ, хоть дождь не боимся: убрались съ поля и синдзи и пятница намъ нестрашны“.

По уборкѣ хлѣба почти всѣ чуваши справляютъ, такъ называемую, „чюклему“. Когда уродится новый хлѣбъ, чуваши торопятся поскорѣе сварить изъ него пиво, напечь хлѣбовъ и устроить чуклему. Чуклема—это, такъ сказать, слава новому хлѣбу. По языческому повѣрью, чуваши и къ нему обращаются съ мольбой, чтобъ онъ былъ споръ и полезенъ для здоровья. На чуклему приглашаются всѣ друзья и знакомые. Въ избѣ устраиваютъ пиръ.

Много пива, хлѣба и лепешекъ въ этотъ день готовитъ хозяйка. Гости сошлись и вотъ старшій въ семьѣ беретъ ковшъ съ пивомъ, идетъ къ входной двери избы, у косяка которой теплится восковая свѣча; становится къ двери лицомъ и шепчетъ какія-то таинственныя слова, затѣмъ льетъ не много пива въ косякъ—это жертва кереметю. Всѣ присутствующіе въ это время, въ благо-

говѣйномъ молчаніи, также стоятъ лицомъ къ двери. Оставшееся въ ковшѣ пиво выливается обратно въ ведро или чашку и тогда начинается пиръ горой съ музыкой, пляской и однообразной, несложной чувашской пѣснью, длящейся иногда во всю осеннюю долгую ночь.

Не лишены нѣкотораго интереса обряды чувашъ въ борьбѣ съ засухой, скотскимъ падежемъ и въ борьбѣ съ діаволомъ—соблазнителемъ рода человѣческаго.

Во время засухи чуваши устраиваютъ „сюмарчюкъ". Это нѣчто въ родѣ загороднаго пикника, но устраиваемаго съ другими цѣлями—умолить небо даровать землѣ, жаждущей благодатный дождь. Въ заранѣе избранное и условленное мѣсто, гдѣ-либо въ оврагѣ, на полѣ, но только обязательно такое, гдѣ-бы протекалъ ручей, сходятся чуваши одного селенія и старики и дѣти (въ нѣкоторыхъ селахъ—одни только дѣти подъ предводительствомъ старухи), всѣ несутъ съ собой яства, кто что можетъ крупу, хлѣбъ, масло, яйца и молоко. Придя на выбранное мѣсто, чуваши устраиваютъ плотину, запруду, съ цѣлью изъ ручейка получить настолько глубокій бассейнъ, чтобъ въ немъ можно было выкупаться всѣмъ. Запруда устроена, котлы, наполненные принесеннымъ добромъ, подвѣшены надъ огнемъ: въ нихъ готовится каша. Толпа обнажаетъ головы и, по направленію къ востоку, становится въ молитвенную позу. Каждый читаетъ про себя молитвы, кто какія знаетъ; многіе, обходясь безъ молитвъ, въ нѣмомъ благоговѣніи изливаютъ свои нужды предъ Богомъ. Затѣмъ, когда сварится каша, всѣ садятся за ѣду, почерпая кашу изъ одного котла; каша заѣдается яйцами и запивается молокомъ. Послѣ ѣды начинается купанье. Каждый изъ присутствующихъ долженъ хоть разъ окунуться въ импровизованномъ прудѣ. Если окажутся нежелающіе исполнить обряда, то съ такими не церемонятся: ихъ ловятъ и насильно окунаютъ въ воду. Послѣ купанья всѣ расходятся по домамъ. Такимъ образомъ,

вѣрятъ чуваши, сила, подающая влагу и дождь умилостивлена и небо скоро разрѣшится давно желаннымъ и благодатнымъ ливнемъ. Падежъ скота по справедливости считается бичемъ народнаго благосостоянія. Даже культурный человѣкъ въ паническомъ страхѣ опускаетъ предъ нимъ руки. Что же дѣлать темному суевѣрному и еще полудикому чувашенину? Ясно, что къ прекращенію бѣдствія онъ ищетъ средствъ въ сферѣ сверхестественнаго. Къ этимъ средствамъ прибѣгали и дѣды и прадѣды, къ нимъ же совѣтуютъ старики обращаться и сейчасъ. Много существуетъ обрядовъ охраненія и огражденія селеній отъ падежей, но болѣе дѣйствительными и популярными считаются два: а) прогонъ скота подъ мостикомъ и б) опахиваніе села плугомъ.

Первый обрядъ совершается такъ: въ условленный день, вся здоровая скотина изъ села выгоняется въ поле, луга, гдѣ-бы былъ оврагъ; чрезъ оврагъ перекидывается живой мостикъ изъ досокъ, хворосту и прутьевъ; онъ укрѣпляется на столбикахъ столь высокихъ, чтобъ подъ мостомъ могла безпрепятственно пройти скотина. На мостъ насыпается солома и земля. Затѣмъ все стадо три раза прогоняется подъ мостикомъ. Когда это закончено, то часть мостика освобождается изъ подъ земли и оголенныя доски его начинаютъ тереть веревкой до тѣхъ поръ, пока дерево не загорится, подложенный трутъ содѣйствуетъ распространенію огня, и мостъ горитъ. Въ то же время подъ мостомъ привязывается кошка. Народъ стоитъ вокругъ и молитъ духа, чтобъ онъ перевелъ падежъ со скотины на привязанную кошку; кошка должна погибнуть въ дыму и пламени, но если она останется живой, то ее убиваютъ. Увѣренные, что совершенная жертва достигнетъ цѣли, чуваши успокоенными возвращаются въ свои дома.

Опахиваніе села плугомъ происходитъ такъ: въ назначенный день, утромъ, всѣ дѣвицы села, въ возрастѣ отъ 12 лѣтъ до 25, въ совершенно новыхъ бѣлыхъ рубашкахъ съ расчесанными и расплетенными волосами, выходятъ за околицу и впря-

гаются въ приготовленный тамъ плугъ. Смѣняясь по очередно, дѣвицы тащатъ плугъ вокругъ всего села, темной бороздой опоясывая его. Шествіе дѣвицъ сопровождаютъ нѣсколько верховыхъ, вооруженныхъ палками и ружьями. Верховые выстрѣлами оповѣщаютъ о шествіи процессіи, чтобъ никто изъ смертныхъ не попалъ на встрѣчу, и горе тому, кто ослушается: его ждутъ побои плетью, палками и даже онъ рискуетъ попасть подъ ружейный выстрѣлъ, если окажетъ сильное сопротивленіе. Когда борозда пропахана, церемонія считается законченной и всѣ участники ея возвращаются въ село къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Церемоніалъ изгнанія шайтана изъ села несложенъ, но выразителенъ.

Шайтанъ-діаволъ, отъ котораго происходятъ всѣ людскія несчастія. Шайтанъ-существо сильное, но дѣйствующее на людей больше соблазномъ, какъ средствомъ, отъ котораго уберечься гораздо труднѣе, и которое бьетъ человѣка, вѣрнѣе, наповалъ. Вотъ почему чуваши всѣ, отъ малаго до велика, ведутъ такую ожесточенную войну съ шайтаномъ. Правда, бой не равный, но все же благородный... Опишемъ, какъ происходитъ изгнаніе шайтана изъ села. Уговорившись заранѣе, въ назначенный день и часъ, нѣсколько семействъ начинаютъ съ гикомъ и крикомъ, кнутомъ и палками, гонять кого-то по избѣ: это выгоняютъ шайтана изъ дома; затѣмъ выбѣгаютъ на дворъ, забѣгаютъ въ хлѣва, сараи, кладовыя, отвсюду выгоняя шайтана; отворяютъ ворота и хлещутъ въ воротахъ кнутомъ; затѣмъ ворота запираютъ на запоръ: шайтанъ изъ избы и двора выгнанъ на улицу. За воротами изгнанниковъ встрѣчаетъ цѣлая толпа конныхъ чувашъ, вооруженныхъ палками, веревками, кнутами. Всадники съ неистовымъ крикомъ, визгомъ, хлопаньемъ кнутовъ, гонятъ шайтана вонъ изъ села туда, далеко — за горы, овраги и рѣки, черезъ которые шайтанъ ужъ не можетъ скоро перебраться. Совершивъ бѣшеную прогулку далеко за деревню, кавалькада побѣдоносно

возвращается въ село въ полной увѣренности, что хоть на годъ ихъ деревня застрахована теперь отъ соблазновъ діавола.

Изобилуютъ языческими обрядами похороны и свадьбы чувашъ. Чуваши умершаго не держатъ въ домѣ три дня, какъ установила церковь, но стараются схоронить покойника въ тотъ же день. Это объясняется чисто хозяйственными соображеніями чувашъ: человѣкъ умеръ,—чего же ему еще оставаться въ домѣ, занимать мѣсто, стѣснять другихъ? Чуваши скорѣе матеріалисты: тоска, скорбь и плачъ—не въ ихъ характерѣ. Вотъ только надо позаботиться, чтобъ покойнику на томъ свѣтѣ жилось получше, надо справить его какъ слѣдуетъ... Въ гробъ умершаго кладутъ мужскія и женскія принадлежности, смотря потому, какого пола покойникъ: кочедыкъ, колодку и лыко для плетенія лаптей, иглы, нитки, гребень, табакъ и трубку—чуваши любители послѣдняго; болѣе запасливые прибавляютъ и съѣстныхъ припасовъ; словомъ, кладется все, что, по мнѣнію чувашъ, потребуется покойнику на томъ свѣтѣ. Въ гробъ пожилой дѣвицы кладутъ хворостину: она, по вѣрованію чувашъ, обречена въ загробной жизни пасти гусей и цыплятъ. По выносѣ изъ дома покойника, въ избѣ по всѣмъ угламъ посыпаютъ золою, а отъ гроба всѣ щепки и стружки выносятся въ сплетенной изъ прутьевъ корзинѣ куда нибудь въ оврагъ, или на перекрестокъ дорогъ. Это дѣлается для того, чтобы ни самъ покойникъ, ни тѣнь его болѣе не возвращались въ домъ. Тотчасъ же, по погребеніи, пьютъ вино на кладбищѣ, а по воз вращеніи въ домъ, начинается угощеніе всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, принимавшихъ участіе въ печальной церемоніи: пьютъ пиво, водку, ѣдятъ хлѣбъ, лепешки и пироги. Поминки длятся дня два—три, смотря по средствамъ семьи умершаго. Тризна всегда сопровождается шумнымъ пьянствомъ и пляской. Въ пляскѣ должны принимать участіе всѣ. Кто отказывается плясать, тотъ, слѣдовательно, желаетъ оскорбить память покойнаго, тотъ, ясно, не любилъ и не уважалъ его. Ослушникъ подвергается осужденію всѣхъ...

Общимъ днемъ поминовенія усопшихъ у чувашъ считается четвергъ, передъ Троицей. Въ этотъ день изъ каждаго дома выѣзжаютъ всѣ домочадцы на мѣстное кладбище. Здѣсь разсаживаются въ кружокъ около могилъ своихъ близкихъ и начинает ся угощеніе: ѣдятъ мясо, пьютъ вино и пиво и всего понемногу оставляютъ на могилѣ, поливая ее пивомъ. Чуваши думаютъ, что по уходѣ ихъ, покойникъ съѣстъ и выпьетъ все, оставленное ему.

Свадебные обряды за послѣднее время значительно измѣнились, уподобившись рускимъ. Еще весьма недавно женихъ и невѣста часто и не видывали и не знали другъ друга; дѣло за нихъ рѣшали ихъ родители. Но теперь ужъ при выборѣ невѣсты сыну и жениха—дочери, родители руководствуются симпатіями и желаніемъ молодыхъ людей. Случаи тайнаго похищенія невѣстъ, уволока, умычки, встрѣчаются весьма рѣдко. Къ уволоку невѣсты прибѣгаютъ только тогда, когда родители ея не соглашаются на бракъ съ избранникомъ.

Въ день свадьбы, свадебный поѣздъ, въ которомъ ѣдутъ женихъ и невѣста, направляется въ церковь. Невѣста ѣдетъ съ закрытымъ лицомъ, а женихъ обязательно будь то зимой, или лѣтомъ, въ мѣховой шапкѣ. Улучивъ удобную минуту, женихъ ударяетъ три раза свою невѣсту нагайкой (саломотомъ). Чѣмъ удары сильнѣе, тѣмъ они убѣдительнѣе, какъ доказательство искренней любви жениха къ невѣстѣ. Это обычай свято соблюдается и понынѣ; иногда весь свадебный поѣздъ останавливается на дорогѣ спеціально съ цѣлью подабающимъ образомъ совершить обрядъ троекратнаго удара.

По возвращеніи изъ церкви въ домъ мужа, въ воротахъ новобрачныхъ встрѣчаютъ всѣ семейные, не участвовавшіе въ поѣздѣ. Къ молодой подводится обузданная лошадь, какъ самый цѣнный представитель живого инвентаря, смиренно признающаго теперь подъ собой силу и вліяніе новой властительницы. Молодая беретъ поводъ въ руку; въ это время одинъ изъ почетнѣйшихъ

лицъ поѣзда (хайматлыхъ) на рукахъ выноситъ молодую изъ кибитки, вноситъ въ домъ ее, сажаетъ на переднее мѣсто и тогда начинается обычное въ такихъ случаяхъ гулянье, которое иногда длится цѣлую неделю.

Еще до свадьбы женихъ дѣлаетъ съ родителями невѣсты условіе о приданомъ. Но у чувашъ, какъ и у татаръ, за невѣсту платитъ женихъ, смотря по уговору, скотиной, деньгами, хлѣбомъ и т. п. Впрочемъ, если женихъ бѣденъ, а невѣста богата, то роли мѣняются. Расплата происходитъ въ день брака.

Гости пируютъ и веселятся, а молодые скрываются въ уединенное мѣсто.

Во всѣхъ празднествахъ чувашскихъ преобладающимъ напиткомъ является не водка, а пиво, но это дѣлается не потому, чтобъ чуваши предпочитали второй первое, а просто по экономическимъ соображеніямъ: водка стоитъ дорого, на нее нужны деньги, которыхъ у чувашъ мало, а если и есть, то чувашенинъ любитъ скопить копѣйку на черный день, между тѣмъ какъ хлѣба много, онъ свой, пиво вари и пей сколько хочешь, а вѣдь послѣдствіе одни и тѣ же: полное охмеленіе со всѣми его прелестями...

Ѳ. Виноградовъ.

Перепечатано изъ №№ 53, 54 и 55 „Симб. Губ. Вѣд." отд. неоф. 1897 г.

Печатано въ губ. тип.